

Сила против права:
Международный Комитет Красного Креста
и применение химического оружия
в итало-эфиопской войне 1935–1936 гг.

Райнер Баудендистель¹

«Действовать в соответствии с девизом «Caritas inter arma»² больше не представляется возможным, это тотальная война в чистом виде. Не проводится никакого различия между регулярной армией и гражданским населением, и бедный Красный Крест захлебывается в этом потоке, что вполне естественно».

Сидни Х. Браун, делегат МККК, 25 марта 1936 г.³

«Г-жа Одье: (...) Как можем мы примирить обязательство хранить молчание с требованиями человеческой совести? Вот в чем проблема. Президент: Мы молчали, потому что не знали правды».

Протокол заседания МККК, 3 июля 1936 г.⁴

Во время Первой мировой войны боевые отравляющие вещества были впервые и широко использованы на всех основных фронтах, что повлекло за собой неслыханное число жертв. Сразу по окончании войны предпринимались

¹ Райнер Баудендистель закончил Женевский университет по специальности философия и история и получил степень магистра в области международных отношений во Флетчеровском институте права и дипломатии. Автор имеет большой опыт деятельности в качестве делегата МККК, он шесть лет работал в Эфиопии и Эритрее.

Статья написана на английском языке.

² Милосердие на поле брани (лат.). (Прим. переводчика.)

³ «Il n'y a plus de possibilité de „caritas inter arma“, c'est la guerre à outrance pure et simple, sans distinction aucune entre l'armée nationale et la population civile, et quant à la pauvre Croix-Rouge, il est bien naturel qu'elle soit engloutie dans les flots». Archives of the International Committee of the Red Cross, Geneva (далее «Архив МККК»), Rapports des délégués, № 13, 25 March 1936.

⁴ «M-lle Odier: (...) Comment concilier le devoir du silence et celui d'exprimer les avis de la conscience humaine? Tel est le problème. Le Président: Nous nous sommes tus parce que nous ne connaissions pas la vérité.» ICRC Archives, PV Séances plénières, 1935–1936, le 3 juillet 1936.

попытки запретить этот новый вид оружия. Ответственность за подготовку проектов соответствующих правовых документов была возложена на Лигу Наций, поскольку считалось, что данный вопрос непосредственно касается всего мира, а не только победителей в войне. 17 июня 1925 г. 26 государств подписали Женевский протокол о запрещении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств¹.

В нем содержался категорический запрет прибегать к использованию химического или бактериологического оружия. Подписание государствами Протокола породило большие надежды на эффективное запрещение химической войны, однако присоединение к документу происходило медленно. Ряд государств, очевидно, не веря в то, что Протокол будет применяться добросовестно, как это предполагалось в его тексте, сделали серьезные оговорки.

Когда в октябре 1935 г. началась итало-эфиопская война, участниками Протокола было 41 государство, включая Италию и Эфиопию. Однако немногие в так называемом цивилизованном мире действительно верили, что право само по себе может обеспечить достаточную защиту в то время, когда все более угрожающие масштабы в международных отношениях приобретало господство силы. Поскольку война, как таковая, не была упразднена, единственной действительной гарантией представлялась способность ответить противнику ударом на удар. Эта форма «реальной политики» предоставляла более надежную защиту от химической войны, чем какая-либо конвенция или слабеющая система коллективной безопасности, которую должна была обеспечивать Лига Наций. Соответственно, те, кто был явно не способен нанести ответный удар, подвергались серьезной угрозе. Эфиопии пришлось узнать это на собственном опыте за семь месяцев беспощадной войны.

МККК начал свою борьбу против современного химического оружия с тех пор, как отравляющие газы были впервые применены в ходе Первой мировой войны. Комитет был настолько потрясен их воздействием на комбатантов, что в 1918 г. выступил с публичным протестом против этого «варварского изобретения». Обеспокоенный нескончаемой гонкой химических вооружений, ставших все более мощными, и перспективой их использования против гражданского населения, МККК «от всей души и от всего сердца» выступил против этого «метода ведения войны, который нельзя не признать преступным»². МККК предложил также заключить, возможно под эгидой Красного Креста, международное соглашение о полном запрещении отравляющих газов. После войны МККК продолжил работу в этом направлении, обращаясь с представлениями в Лигу Наций и действуя в рамках Движения Красного Креста. Когда в 1925 г. был подписан Женевский протокол, МККК мог с удовлетворением отметить успешное завершение кампании, которую он всецело поддержал, используя свой престиж и моральный авторитет.

¹ В настоящей статье для простоты этот Протокол в большинстве случаев упоминается как «Женевский протокол 1925 г.», или «Протокол 1925 г.». Также, вместо специального термина «боевые отравляющие вещества» используется более привычное обозначение «отравляющие газы».

² Le Comité international de la Croix-Rouge aux Belligérants, Appel contre l'emploi des gaz vénéneux, 6 февраля 1918, Архив МККК, CR 210, 1125.

В течение последующего десятилетия химическая война явилась одной из важнейших проблем для всего Движения Красного Креста, в котором МККК выступал в качестве ведущей организации. Получив на то официальный мандат четырех следовавших одна за другой Международных конференций Красного Креста, МККК начал играть важную роль в деятельности, направленной на то, чтобы способствовать ратификации Протокола 1925 г. Однако в начале 30-х годов нараставшая напряженность в Европе заставила МККК осознать, что правительства не готовы предоставить Красному Кресту решение столь важных проблем. Вопросы, касающиеся химического оружия, оказались предметом заботы исключительно национальных правительств, которые ревниво хранили их под покровом секретности, в силу чего деятельность МККК принесла весьма скромные результаты. Осенью 1935 г. стало ясно, что МККК начинает терять свою ведущую роль и что потребность в услугах этой гуманитарной организации значительно уменьшилась. Несмотря на это, мандаты, касающиеся химического оружия, имели очень большое значение для МККК в 1935 г., что признавалось и Движением Красного Креста, и общественностью.

Италия применяла отравляющие газы, в основном с помощью своих ВВС, на протяжении четырех месяцев из тех шести, что продолжалась война с Эфиопией. За это время итальянские военные самолеты сбросили 330 тонн боевых отравляющих веществ (из общего числа 1829 тонн боеприпасов)¹. Воздушные налеты с использованием химического оружия, как правило, в сочетании с обычными фугасными и зажигательными бомбами происходили почти ежедневно, однажды было сброшено 12 тонн бомб за один день — рекордное количество. Цель заключалась в том, чтобы запугать эфиопских военнослужащих, однако в результате неизбежных бомбардировок от химических бомб нередко страдало и гражданское население.

Из отравляющих веществ чаще всего использовался иприт, или горчичный газ, хорошо известный со времен Первой мировой войны. Это вещество кожно-нарывного действия, вызывающее характерные волдыри и ожоги кожи, со страшными последствиями для тех, кто не имеет средств защиты. Дж. У. Мак-Фи, один из врачей полевого госпиталя Британского Красного Креста, ярко описывает свою первую встречу с жертвами химического оружия:

«Вблизи пациенты представляли собой страшное зрелище. Первый, кого я осмотрел, был пожилой мужчина. Он сидел на земле и стонал, покачиваясь из стороны в сторону. Все его тело было обернуто тканью. Когда я приблизился, он медленно встал и раздвинул свое покрывало. Он выглядел так, как будто кто-то неловко попытался содрать с него кожу. Его лицо, спину и руки покрывали ужасные ожоги, вызванные ипритом. Там было много таких как он, одни пострадали больше, другие меньше.

Некоторые подверглись действию газа совсем недавно, другие — раньше, у них на месте ожогов уже образовались толстые коричневые струппы. И муж-

¹ Два главных источника, на основании которых был сделан этот подсчет, — статья *Giorgio Rochat. L'impiego dei gas nella guerra d'Etiopia 1935-1936. — Guerre italiane in Libia e in Etiopia. Pagus Edizioni, Paese, 1991, pp. 157-168;* и *Roberto Gentili. Guerra aerea sull'Etiopia 1935-1939. EDAl, Firenze, 1992, pp. 95 и 100.*

чины, и женщины — все были чудовищно обезображены, так же как и маленькие дети»¹.

Иприт не только обжигает кожу, он вызывает боль в глазах и слепоту, как правило временную, поскольку под его воздействием веки распухают и становится невозможно их разомкнуть.

Эфиопия была не в состоянии что-либо противопоставить этому нападению с употреблением отравляющего газа и нанести ответный удар. У эфиопской стороны было очень мало средств защиты и отсутствовала возможность предоставить жертвам необходимую медицинскую помощь, которая могла бы смягчить последствия, как показал опыт завершающих лет Первой мировой войны. Не желая и будучи не в силах воевать с противником, использующим такие деморализующие методы, многие солдаты дезертировали, чтобы не умирать в подобных обстоятельствах, несмотря на опасность быть пойманными.

За неимением надежных сведений невозможно точно указать число убитых в результате химической войны, которую вела Италия. Согласно источникам Красного Креста, медицинская помощь была оказана чуть меньше чем 1000 жертв химического оружия, однако эта цифра не дает полной картины. Не следует забывать, что 12 полевых госпиталей Красного Креста (а это была практически вся медицинская служба, оказывавшая помощь эфиопским вооруженным силам) отличались друг от друга по уровню организации, оснащенности и обеспеченности личным составом. Что еще важнее, они смогли приблизиться к линии фронта сравнительно поздно после начала войны. И очень часто, там, где их услуги были особенно остро необходимы, медицинские подразделения сами отступали, как и разгромленные солдаты. На основании имеющихся данных можно предположить, что на протяжении почти 90% времени, пока шла война, жертвы имели ограниченный доступ к современной медицинской помощи или вовсе не имели его.

Несомненно, применение химического оружия фашистской Италией значительно усугубило гуманитарную катастрофу в зоне войны. Джон Мелли, отважный начальник полевого госпиталя Британского Красного Креста, был потрясен масштабами людских страданий, с которыми ему пришлось столкнуться на северном фронте, и резюмировал увиденное с характерной для него четкостью: «Это не война, это даже не бойня, это истязание тысяч беззащитных людей бомбежками и отравляющим газом»².

Сразу после начала войны в октябре 1935 г. МККК предложил свои услуги обеим сторонам в конфликте, в соответствии с Уставом Международного Красного Креста. Италия, агрессор, осужденный Лигой Наций, сразу отказалась от всякой помощи, а Эфиопия, несмотря на свою слабую подготовленность, приняла ее без колебаний. Была начата международная операция по оказанию медицинской помощи, которую поддержали 28 национальных обществ Красного Креста — такая широкая поддержка имела место впервые в истории. Стремясь

¹ J. W. S. MacFie, *An Ethiopian Diary: A Record of the British Ambulance Service in Ethiopia*. London, Hodder and Stoughton, 1936, p. 77.

² Letter from John Melly to K.N., 12 April 1936. — K. Nelson, A. Sullivan. *John Melly of Ethiopia*. Faber & Faber, London, 1937, p. 240.

добиться, чтобы жертвы конфликта получили направленные им грузы помощи, МККК решил послать в Эфиопию двух делегатов-швейцарцев. Главой делегации был Сидни Х. Браун, юрист, работавший в секретариате МККК с 1929 г. Ему помогал молодой хирург Марсель Жюно, который незадолго до этого вступил в ряды организации¹.

Эта первая делегация МККК, в ее современном смысле, должна была координировать деятельность полевых госпиталей Красного Креста (шесть из них были от Эфиопского Красного Креста и шесть — от европейских национальных обществ). Кроме того, она должна была помогать не имевшему опыта местному Красному Кресту, основанному всего за три месяца до конфликта. Это, в свою очередь, позволило делегатам МККК получать из первых рук информацию о развитии конфликта и обусловленном им кризисом в гуманитарном плане. Таким образом, штаб-квартира в Женеве черпала ценную информацию из своих собственных источников и неожиданно оказалась в центре дискуссии по гуманитарным вопросам в итало-эфиопской войне.

Недалновидность, проявленная в штаб-квартире МККК

Первые отчеты делегатов на местах, в которых говорилось об использовании Италией химического оружия, были приняты к сведению в Женеве, однако штаб-квартира МККК не сочла нужным сделать что-либо в связи с этими сообщениями. Когда в начале марта 1936 г. они стали поступать чаще и тон их стал более настойчивым, внимание МККК было полностью поглощено подготовкой визита делегации его высокопоставленных представителей в Рим. Цель визита заключалась в том, чтобы обсудить с итальянскими властями процедуру проведения расследования по заявлениям о нарушениях Женевской конвенции 1929 г. о раненых и больных в действующих армиях, которое предусматривается статьей 30 данной Конвенции². Обе стороны в конфликте уже дали согласие на проведение этого расследования, по крайней мере, в принципе. В весьма тщательно подготовленных документах для встречи в Риме было только краткое упоминание о газах. Очевидно, этот вопрос еще не вызывал озабоченности у МККК. Ситуация не изменилась и после бесед с двумя бывшими сотрудниками Эфиопского Красного Креста, гражданами Польши, которые находились в плену у итальянцев. После того как доктор Станислав Белау и его ассистент Тадеуш Медынский были освобождены из плена, они приехали в Женеву. Они сообщили о том, что им пришлось пережить, и о применении отравляющих газов, свидетелями которого они стали. В этом отношении особенно интересно свидетельство Белау. В годы Первой мировой войны он был польским офицером и на своем опыте узнал, что такое химическое оружие. Он определил, что в Эфиопии применялся иприт и два других отравляющих вещества, ему незна-

¹ Сидни Х. Браун (1898–1970) покинул МККК при неясных обстоятельствах по завершении своей миссии, тогда как Марсель Жюно (1904–1961) сделал карьеру в МККК, сначала в качестве делегата, затем как член и вице-президент МККК.

² МККК предложил провести такое расследование после того, как обе стороны обвинили друг друга в неправомерном использовании эмблемы Красного Креста.

комых. Письменные показания Белау были переданы делегации МККК, выезжавшей в Рим. Вместе с ними была вручена и впечатляющая телеграмма Жюно о коремском инциденте, в которой рассказывалось, как на его глазах итальянская авиация сбрасывала бомбы с ипритом. Таким образом, когда Президент Макс Хубер, вице-президент Поль Лого, Карл-Якоб Буркхардт и Жак Шеневьер выехали 24 марта 1936 г. в Рим, у них в багаже была «горячая» информация из первых рук о применении газов в Эфиопии.

Как полагал МККК в то время, поездка в Рим была весьма успешной и увенчалась краткой аудиенцией у Муссолини в палаццо «Венеция» 30 марта 1936 г. МККК получил согласие Италии на проведение запланированного расследования относительно неправомерного использования эмблемы. Однако отравляющие газы в документах МККК не упоминаются. Итальянские источники подтверждают, что делегация не стала поднимать этот вопрос ни на встрече с бароном Помпео Алоизи, начальником кабинета в Министерстве иностранных дел, ни на встрече с Филиппо Кремонези, председателем Итальянского Красного Креста. Итальянская сторона не дала МККК возможности официально потребовать его рассмотрения, прибегнув к простой уловке: на первой встрече Алоизи сообщил МККК, что расследование будет ограничиваться вопросами, относящимися к сфере действия Женевских конвенций. Это означало, что методы ведения военных действий, такие как применение отравляющих газов, просто исключались из рассмотрения. МККК не мог активно протестовать, поскольку это требование исходило от одной из воюющих сторон, имевших полное право ограничивать проведение расследования собственными условиями.

Но если официальные каналы оказались заблокированы, разве нельзя было поднять вопрос неофициально? По-видимому, вопрос о газах не был поднят и таким образом, хотя обстоятельства к этому располагали. Это можно было сделать, например, на встрече с председателем Итальянского Красного Креста Кремонези в ходе общего обзора проблем, вызывавших озабоченность МККК, в том числе бомбардировки полевых госпиталей МККК и проблемы военнопленных. Кажется, сам Кремонези был удивлен, что об отравляющих газах речь не зашла. В конце своего доклада, представленного в Министерство иностранных дел, он особо отметил, что никакие другие темы на переговорах между МККК и Итальянским Красным Крестом не обсуждались.

В одном случае вопрос об отравляющих газах все же был затронут. Шеневьер отмечает, что Макс Хубер упомянул о химической войне во время краткой аудиенции у Муссолини. Говоря о том, как Хубер начал беседу, Шеневьер вспоминает: «Все основные моменты были перечислены: запрет на репрессалии, даже если они представляются оправданными, гарантии неприкосновенности и заботы для всех вышедших из строя. Я даже расслышал произнесенное вскользь взрывоопасное слово «иприт». Дуче вздрогнул. Очень спокойно Макс Хубер продолжал: „Просто общее замечание относительно методов ведения войны“. Он нервничал? Может быть, но, возможно, это было и неплохо»¹. Ауди-

¹ Jacques Chenevière. Retours et images. Éditions Rencontre, Lausanne, 1966, p. 254.

Буркхардт, рассказывая об этой встрече с Муссолини, описывает аудиенцию совсем иначе и ничего не говорит об упоминании Хубером отравляющих газов. Carl J. Burckhardt. Vom Krieg und

енция продолжалась ровно 10 минут. Она была явно слишком короткой для серьезной дискуссии, особенно на такую деликатную тему, как отравляющие газы.

Это единственное зафиксированное в письменных источниках упоминание о химической войне, сделанное во время визита МККК в Рим. Как видим, сделано оно было в самой общей форме. Это молчание особенно удивляет, если учесть, что из различных телефонных разговоров делегация знала, что химическая война в Эфиопии стала в высшей степени злободневной и серьезной проблемой. Кроме того, из Женевы через швейцарское Министерство иностранных дел делегации была выслана конфиденциальная телеграмма, в которой говорилось о еще одном случае применения отравляющего газа в районе Сидамо, о чем на этот раз сообщил Норвежский Красный Крест. Даже если нельзя было сделать официальное представление, почему Президент МККК не использовал такую замечательную возможность хотя бы для того, чтобы попросить разъяснений по этому вопросу, имея надежную информацию и все основания для вмешательства?

За отсутствием документальных данных робкую позицию МККК в Риме можно объяснить двумя основными причинами. Во-первых, расследование по поводу заявленных нарушений Конвенции 1929 г. имело первоочередное значение. Впервые должна была быть применена процедура расследования, которая считалась важным достижением новых Конвенций. МККК не хотел ставить под угрозу свои шансы на успех, а дискуссия об отравляющих газах могла создать такую опасность, поскольку для фашистского режима это была очень деликатная тема. Во-вторых, как поначалу и делегаты на местах, МККК в Женеве с недоверием воспринимал сообщения об использовании отравляющих газов. Это казалось совершенно невозможным, многие полагали, что это просто еще один пропагандистский прием, к которому прибегла Эфиопия в своей антиитальянской кампании. Как могла Италия, колыбель европейской цивилизации, поступить недобросовестно и применить запрещенное оружие, нарушив тем самым Протокол 1925 г., к которому она торжественно присоединилась?

Очевидно, нельзя упрекать МККК за незнание фактов, которые историки выяснили позднее, а именно, что итальянские власти уже были знакомы с сообщением Жюно о применении иприта, чему он был свидетелем: они перехватили телеграмму, которую делегация МККК привезла с собой в Рим¹, но никак не использовала. Или что Муссолини накануне встречи с делегацией МККК повторил свое разрешение командующему итальянскими силами Бадольо «применять любой газ и в любом масштабе»². Вопрос заключается в том, не должен ли был МККК проявить большую проницательность и решительнее действовать, опираясь на достоверную информацию, которой он обладал. Совершенно ясно,

Frieden. Festschrift der Universität Zürich zum 70. Geburtstag von Max Huber. Zürich, Schulthess & Co. AG, 1944, pp. 260–261.

¹ Итальянцы перехватывали не только внутренние сообщения в Эфиопии, передаваемые с помощью военных властей в Восточной Африке, но и зарубежные телеграммы, поступающие в Аддис-Абебу и отправляемые из нее, с помощью специальной службы подслушивания Министерства внутренних дел. Большинство телеграмм МККК, включая упомянутую, можно найти в Archivio Centrale dello Stato (далее ACS), Ministero dell'Interno, Roma, P.S. 1936, Busta 1 A.

² ACS, Fondo Graziani, Busta 18, Fasc. 21/6, 29 March 1936.

что делегация упустила первую возможность вступить за жертвы конфликта, интересы которых она должна была защищать.

Лига Наций и МККК: коллективная безопасность и гуманитарные проблемы

До итало-эфиопской войны пути Лиги Наций и Красного Креста редко пересекались. Эти две организации, а также их цели и методы их работы сильно различались. Лига занималась международной политикой, стремясь создать новый мировой порядок, чему способствовал мирный период в Европе в 20-е и начале 30-х годов. В ее распоряжении был многочисленный персонал и внушительные здания в Женеве. МККК, напротив, был малоизвестным учреждением, которое занималось гуманитарными вопросами во время войны, считавшейся тогда явлением если и не изжитым, то, по крайней мере, ограниченным рядом договоров и прогрессом цивилизованных народов. Поэтому некоторые не в меру оптимистично настроенные люди полагали, что организации — основателю Красного Креста больше незачем существовать. Сам Комитет состоял из 20 добровольных членов, в основном из числа протестантских и либеральных кругов женевского общества. Одни из них были более, другие менее активны. Они пытались изменить сложившееся о них представление как о *comité de quartier* (квартальном комитете) — так пренебрежительно отозвался о нем швейцарский министр иностранных дел Джузеппе Мотта, прежде чем он сам и ряд других видных швейцарских граждан вступили в МККК. Этим людям помогала горстка штатных сотрудников, работавших на вилле на берегу Женевского озера. После Первой мировой войны эта маленькая, но активная организация занималась преимущественно вопросами гуманитарного права, и ей удалось занять особое положение в Международном движении Красного Креста, которое было реорганизовано в 1928 г.

Во время итало-эфиопской войны в отношениях между двумя организациями произошли большие перемены. Молодая, неокрепшая Лига пыталась как-то ответить на вызов, брошенный мировому сообществу фашистской Италией, а МККК принял активнейшее участие в своей первой после 1918 г. гуманитарной операции во время войны. Положение резко изменилось. С обочины международной жизни МККК переместился в самую гущу событий. Рано или поздно роль каждой из организаций предстояло четко определить. Такой случай представился, когда Италия развязала химическую войну в Эфиопии. В апреле 1936 г. в ходе проходивших в Комитете тринадцати Лиги Наций бурных дебатов по вопросу о ведении военных действий стала очевидной потребность в точной информации о сражениях на полях Африканского Рога. Поскольку Италия отказалась сотрудничать с Лигой в том, что касалось заявлений об использовании этой страной химического оружия, Лига обратилась к МККК. В печати сообщалось, что его делегат стал свидетелем применения отравляющего газа вблизи города Корем в северной Эфиопии. Было также известно, что МККК получал и другую информацию по этому вопросу от сотрудников национальных об-

ществ Красного Креста. Жозеф Авенол, генеральный секретарь Лиги, направил в МККК письмо, содержащее просьбу предоставить информацию по данному вопросу¹. Ответ ожидался во второй половине того же дня, чтобы дебаты в Комитете тринадцати могли возобновиться.

Эта просьба поставила МККК в весьма затруднительное положение по отношению к Лиге Наций и к Италии. Комитету отводилась нежелательная роль арбитра, которая могла составить угрозу продолжению его работы на местах. Он стал теперь авторитетным свидетелем в современной войне, которая ведется не только всеми наличными военными средствами, но и на виду всего международного общественного мнения. По сути, в результате просьбы Лиги МККК оказался перед тем выбором, который сохраняет свою актуальность и по сей день — это выбор между высказыванием протеста против несправедливости и оказанием помощи жертвам войны.

После консультации по телефону с президентом Максом Хубером у Комитета не оставалось сомнений в том, что он должен отвергнуть просьбу Лиги. Документы и сведения, имевшиеся в распоряжении МККК, не предназначались для использования в политических целях, а это неизбежно случилось бы, если бы они были переданы в Комитет тринадцати. Странно, что МККК не привел этот довод в своем поспешно и неудачно составленном ответе в адрес Лиги, а вместо этого оправдывал отказ ссылкой на планируемое расследование по заявлениям о нарушениях Женевской конвенции, которое «отчасти касается тех же фактов». Кроме того, МККК заявил, что не может предоставить отчеты своих делегатов Лиге, поскольку они предназначались исключительно для целей Красного Креста. Наконец, МККК сообщил Лиге, что решение о предании гласности сведений, находящихся в распоряжении правительств или национальных обществ Красного Креста, принимают сами правительства или общества².

Неудивительно, что Лига Наций почувствовала себя оскорбленной отказом маленькой гуманитарной организации. Председатель Комитета тринадцати Сальвадор де Мадарьяга сам ответил на него. Он в резкой форме указал на несообразность в аргументации МККК, подчеркнув, что запрос Лиги касался таких вопросов, как химическая война, которые не предполагалось рассматривать при проведении расследования МККК. Поэтому указанное расследование не может служить причиной для отказа предоставить информацию. Второй довод МККК был воспринят как оскорбление «органу, действующему от имени Лиги Наций»³.

Раздраженная реакция Лиги потребовала нового ответа от МККК. Ответить было совершенно необходимо, так как Лига опубликовала оба письма. Вопрос был вынесен на публику и вызвал к себе живейший интерес. На этот раз ответ МККК был тщательно составлен, хорошо аргументирован и касался самой сути проблемы. Он был подготовлен прекрасными юристами Хубером и Лого, которые обосновали его ссылками на основные идеалы Красного Креста и Устав

¹ Жозеф Авенол Президенту МККК, 8 апреля 1936 г. Архив МККК, CR 210, 1042.

² Пийом Фавр генеральному секретарю Лиги Наций, 9 апреля 1936 г. Архив МККК, CR 210, 1054.

³ Сальвадор де Мадарьяга — Президенту МККК, 18 апреля 1936 г. Архив МККК, CR 210, 1102.

МККК. В соответствии со своей ролью МККК не должен участвовать в какой бы то ни было акции политического характера, именно в этом настоящая причина его отказа. Кроме того, МККК должен сохранять свой нейтралитет, чтобы выполнять как Женевские, так и другие конвенции, цель которых состоит в защите гуманитарных интересов во время конфликта. И, наконец, МККК подошел в своем ответе к существу дела:

«МККК преследует чисто гуманитарные и неполитические цели — он должен прежде всего делать все, что в его силах, чтобы облегчить страдания жертв войны. Для этого он должен строго придерживаться такой линии поведения, которая позволила бы ему поддерживать доверительные отношения со сторонами в конфликте (...). Международный Комитет считает для себя недопустимым отступать от этих принципов даже в случае таких конфликтов, когда оспаривается само право начинать военные действия»¹.

Таким образом, МККК заявил о своей независимости от Лиги Наций и показал, что политические и гуманитарные организации имеют собственные права и обязанности, которые не всегда одинаковы. Реакция на это заявление была немедленной и резкой. Эфиопия, которая просила МККК предоставить Лиге Наций находившиеся в его распоряжении документы, была глубоко разочарована. Жюно заметил, что после отказа МККК эфиопская сторона в рабочих отношениях с Комитетом встала на позицию «жесткого противостояния». Официальные представители правительства, близкие к императору Хайле Селассие, обвинили МККК в злонамеренности и в проитальянской ориентации. Впоследствии очевидцы, такие как Джон Х. Спенсер, молодой американский советник эфиопского Министерства иностранных дел, выступили с еще более резкими суждениями. Комментируя отказ Хубера удовлетворить просьбу Лиги Наций, он писал: «Подписавшись под этой позорной и жалкой попыткой прикрыть международное преступление, которое к тому времени стало широко известным и которое Италия никогда не отрицала, он запятнал собственную репутацию и репутацию международного права во имя политической выгоды»².

Если одна сторона была разочарована, то другая испытывала удовлетворение. Узнав о просьбе Комитета тринадцати к МККК, делегат Итальянского Красного Креста в Женеве граф Гвидо Винчи немедленно отправился в МККК, чтобы выяснить, каким будет ответ. Благодаря своим хорошим отношениям с Комитетом, он сумел узнать приятную новость: МККК отказывается исполнить просьбу Лиги Наций. Он немедленно сообщил об этом Кремонези, председателю Итальянского Красного Креста, с нетерпением ожидавшему известий и прекрасно понимавшему, насколько сильно мог повлиять МККК на международный престиж Италии. Кремонези с облегчением услышал об отказе МККК, такова же была и реакция Министерства иностранных дел. После войны, в речи, обращенной к дуче, когда последний посещал Итальянский Красный Крест, Кремонези зашел так далеко, что назвал отказ МККК результатом визита членов Комитета в Рим в конце марта 1936 г.!

¹ Макс Хубер — Сальвадору де Мадарьяга, 24 апреля 1936 г. Архив МККК, CR 210, 1123.

² John H. Spencer. *Ethiopia at Bay*, Reference Publications. Michigan, 1984, p. 50.

Удовлетворен этим решением, хотя и по другим причинам, был также Джузеппе Мотта, швейцарский министр иностранных дел, член МККК. По его мнению, отрицательный ответ МККК Комитету тринадцати разрешил спорный вопрос, чреватый опасностями для швейцарско-итальянских отношений, которые были достаточно сложными. Гуманитарное учреждение в Женеве оказало неоценимую услугу Швейцарии. Защищая нейтралитет Красного Креста, оно косвенно защищало и нейтралитет Швейцарии¹. По той же причине швейцарский посланник в Риме Пауль Рюггер выразил удовлетворение в связи с повышением в Италии престижа МККК, «чья нейтральная и беспристрастная позиция, которая была еще раз продемонстрирована в переписке с Комитетом тринадцати, имеет положительные последствия и для нашей страны»².

Этот спор с Лигой Наций следует рассмотреть с нескольких точек зрения. Не сообщив национальным обществам о своей позиции и не согласовав с ними ответ, МККК упустил возможность добиться единства подхода всего Движения Красного Креста. Получив из Лиги Наций запрос, подобный тому, который был направлен в адрес МККК, несколько национальных обществ предоставили требуемые сведения. Это показало, что другие составные части Красного Креста имели собственные политические пристрастия, способные повредить духу Красного Креста в целом. Если МККК всерьез намеревался играть руководящую роль в таких ситуациях, он должен был добиться, чтобы Движение заняло единодушную позицию, насколько это возможно.

С точки зрения внутреннего устройства этот спор выявил серьезный дефект в механизме работы организации. Макс Хубер, Президент МККК, жил в Цюрихе и приезжал в Женеву только на важные встречи, обычно на несколько дней. Его физическое отсутствие в штаб-квартире МККК, где принимались решения, имело отрицательные последствия, особенно когда возникала необходимость рассмотрения срочных и важных вопросов. Телефонные переговоры с Президентом не компенсировали его отсутствия. Если бы контакт с Хубером можно было установить без труда, первоначальный ответ Лиге, плохо написанный и недостаточно продуманный, не был бы выслан в такой форме. Если бы МККК с самого начала положил в основу своего ответа аргументы, использованные им впоследствии, то проблемы, подход к которым у этих двух организаций отличается, были бы сразу выявлены. Некоторых неверных истолкований, возможно, удалось бы избежать. Кроме того, что, по всей видимости, еще более важно, присутствие Президента МККК в Женеве позволило бы ему лично встретиться с представителями Лиги, и в ходе такой встречи позицию МККК удалось бы изложить яснее, чем в официальном письме.

Относительно же существа спора нельзя не признать, что решение МККК отказать Лиге Наций в доступе к его документам было правильным по двум причинам. Во-первых, с политической точки зрения: в то время, когда происхо-

¹ Giuseppe Motta to Légation de Suisse, Rome, 19 June 1936, Bundesarchiv Bern, E 2200 Rom 22, Schachtel 9, Question de la Croix-Rouge.

² Письмо Пауля Рюггера Джузеппе Мотта, 14 апреля 1936, Nachlass Paul Ruegger, Archiv für Zeitgeschichte, ETH, Zürich, III, 15.3.3. Пауль Рюггер, ученик и друг Макса Хубера, позднее стал членом МККК и был Президентом Комитета с 1948 по 1955 г.

дил этот спор, становилось ясно, что Лига Наций бессильна остановить итальянских агрессоров, уже одержавших победу на поле боя. Если бы МККК согласился выполнить просьбу Лиги, это было бы жестом доброй воли, но создало бы ненужные осложнения в отношениях с одной из наиболее могущественных держав Европы не только на тот короткий период, в течение которого предстояло продолжаться войне в Эфиопии, но и в течение значительно более долгого срока. Во-вторых, с точки зрения принципов, МККК совершенно правильно провел различие между своей гуманитарной деятельностью и политической деятельностью Лиги. Их смешение политизировало бы работу Красного Креста и стало бы для нее помехой. Европе был нужен сильный и пользующийся доверием Красный Крест — на горизонте быстро собирались тучи войны.

Однако мы не можем закончить наш анализ на этом. Понятно, что каждая из воюющих сторон сделала собственные политические выводы из решения МККК. Если бы положение дел осталось тем же, это сыграло бы на руку итальянскому правительству. Молчание относительно применения Италией отравляющих газов служило прикрытием для беззакония. После отрицательного ответа МККК на просьбу Лиги Наций на МККК стали оказывать усиленное давление, чтобы Комитет так или иначе отреагировал на применение Италией отравляющих газов. Что же он должен был сделать, чтобы сохранить истинную нейтральность и беспристрастность? Как избежать при этом обвинений в проитальянской позиции?

За всей этой ситуацией стоял еще один важный вопрос. Да, конечно, МККК для его работы были необходимы «доверительные отношения» с воюющими сторонами, но не любой ценой. Если воюющая сторона не содействует установлению таких отношений и совершенно открыто прибегает к незаконным средствам ведения войны, может ли МККК просто закрыть на это глаза? Очевидно, всему есть границы. Ведь добросовестно исполняющая свои обязательства сторона в вооруженном конфликте может обвинить МККК в политической наивности или даже в пособничестве преступникам.

МККК перед трудным выбором: дух 1918 г. или буква закона?

Вне всякого сомнения, МККК оказался перед лицом серьезного нарушения международной Конвенции, за заключение которой он выступал на протяжении 18 лет. Нарушения Конвенций уже имели место во время Первой мировой войны. Тогда МККК четыре раза обращался к воюющим сторонам с протестом — это была самая решительная мера, имевшаяся в его распоряжении. Один из этих протестов, заявленный в 1918 г., касался отравляющих газов. Общей чертой для всех четырех обращений было наличие неоспоримых и очень серьезных фактов, явившихся результатом открытой и целенаправленной политики государств. Кроме того, нарушение в соответствующих случаях представляло собой угрозу для самой юридической системы защиты¹. Должен ли был МККК придерживаться такого же подхода и в данной ситуации?

¹ *François Bugnion. Le Comité international de la Croix-Rouge et la protection des victimes de la guerre. Geneva, ICRC, 1994, p. 126.*

В Комитете столкнулись три различных мнения. Первая и самая малочисленная группа состояла из тех, кто либо сомневался в том, что отравляющие газы вообще применялись, либо полагал, что печать преувеличивает масштабы их применения. До 8 апреля 1936 г. эту точку зрения разделял секретариат МККК и вице-президент Жорж Патри¹. Это мнение было полностью отвергнуто после получения на следующий день подробного отчета доктора Жюно о событиях близ Корема.

Вторая группа членов МККК состояла из вице-президента Гийома Фавра, Родольфа де Алле и единственной женщины, участвовавшей в эфиопской операции, Люси Одье. Эта группа стремилась сохранить традицию обращения 1918 г. Тогда МККК осудил химическую войну, видя в этом свой гуманитарный долг. Следует отметить, что Одье начала работу над подготовкой протеста МККК против действий Италии, когда руководство МККК еще находилось в Риме. Патри остановил ее на том основании, что не было достаточных доказательств, однако по возвращении делегации в Женеву в начале апреля разгорелся горячий спор. Буасье, единственный, кто оставался в живых из членов МККК, подписавших обращение 1918 г. против применения отравляющих газов (вместе с Полем де Гуттом, который сделал это в качестве генерального секретаря), приводил следующие доводы: «В 1918 г. МККК протестовал против применения отравляющих газов, хотя никто не предоставил ему такого мандата и не было подписано никакого протокола, запрещающего применять газы. Может ли МККК занимать пассивную позицию сейчас, если факт применения отравляющих газов в итало-эфиопской войне будет доказан?»² Эта группа пользовалась поддержкой Луи Демоли, технического советника МККК по химической войне. Ссылаясь на различные сообщения о применении отравляющих газов в Эфиопии и напоминая о различных полномочиях, предоставленных МККК Движением Красного Креста, он призывал МККК снова поднять голос и безоговорочно осудить такую практику.

Противниками этой точки зрения были юристы Макс Хубер, Поль де Гутт и Поль Лого, к которым присоединился Жак Шеневьер. В своей аргументации они исходили из того, что МККК не имел юридических оснований выступать по вопросам методов ведения войны, а должен был заниматься гуманитарными проблемами, входящими в сферу действия Женевских конвенций. Это две совершенно разные области, и смешивать их нельзя. К этому Макс Хубер добавил решающий аргумент, касающийся самой сути дела: «МККК не должен выступать в поддержку или против какого-либо конкретного метода ведения войны, он должен заниматься облегчением страданий, причиняемых вой-

¹ ICRC Archives, Commission d'Éthiopie, PV 61, 8 April 1936, p. 3. Руководитель секретариата Этьен Клузо сомневался, что Италия ведет химическую войну, хотя он имел доступ ко всем соответствующим сообщениям из первых рук, поступавшим с мест событий, и к конфиденциальной информации в штаб-квартире. Винчи считал его «нашим другом», ACS, Croce Rossa Italiana (CRI), Busta 189, Fasc. 10. В связи с этим интересно отметить, что в ноябре 1935 г., через месяц после начала войны, Клузо был награжден орденом «официального кавалера итальянской короны» за службу в МККК и Международном союзе оказания помощи пострадавшим от стихийных бедствий, ACS, CRI, Busta 189, Fasc. 1.

² Архив МККК, Commission d'Éthiopie, № 61, 8 апреля 1936, p. 2.

ной»¹. К этим двум доводам Красного Креста добавился еще один, исходивший извне — от Италии. Когда обсуждение в Комитете тринадцати Лиги Наций вопроса о применении Италией отравляющих газов стало неизбежным, а расследование Лиги Наций весьма вероятным, хотя и нежелательным для Италии, итальянский дипломатический корпус неожиданно предложил, чтобы МККК было поручено провести расширенное расследование, которое охватывало бы не только проблемы, связанные с соблюдением Женевских конвенций, но и все нарушения соответствующих международных Конвенций. Подобное пожелание прямо выразила Италия, и вопрос был согласован в Риме с делегацией МККК. Это означало резкую перемену в позиции Италии. По твердому убеждению итальянской стороны, при существовавших в то время обстоятельствах расследование МККК, касающееся, в частности, методов ведения войны, было предпочтительнее расследования Лиги Наций. Такой ловкий ход связал руки МККК. Даже просто согласившись расширить круг вопросов, по которым предлагалось провести расследование, Комитет должен был воздерживаться от какого бы то ни было публичного заявления, которое могло быть истолковано как предвосхищающее заключение предполагаемой следственной комиссии.

В центре этого спора были две противоречащие друг другу точки зрения на роль МККК во время конфликта. Они неизбежно сопутствовали таким ситуациям еще с момента основания Красного Креста на поле битвы в Сольферино и были, в значительной мере, двумя сторонами одной медали. С одной стороны, недопустимо забывать о жестоких страданиях людей, усугублявшихся в данном случае преднамеренным нарушением международной Конвенции, к чему нельзя было относиться равнодушно. С другой стороны, имела место законная озабоченность о том, чтобы не потерять возможность оказывать помощь тем, кто в ней нуждается, а это требовало сдержанности и осторожности. Выбор был таков: выразить возмущение и смириться с последствиями или хранить молчание и продолжать гуманитарную деятельность. Тот дух, которым было продиктовано обращение 1918 г., находился в противоречии с буквой закона. Перед лицом этой неразрешимой дилеммы МККК в 1936 г. пошел по второму пути. Строго законнический подход небольшой, но влиятельной группы юристов МККК одержал победу. Но ситуация в 1936 г. сильно отличалась от ситуации в 1918 г. С точки зрения МККК, она была значительно более угрожающей. В апреле 1936 г. агрессивная, самоуверенная фашистская Италия уже почти одержала победу над Эфиопией, и вину следовало возложить целиком и полностью на ее правительство. Это создало бы для МККК гораздо больше трудностей, чем ему бы хотелось. Восемнадцать лет назад его протест был обращен ко всем воюющим сторонам, которые использовали отравляющие газы. Таким образом, в 1918 г. было легче протестовать и сохранять при этом нейтралитет, чем в 1936 г. Для того чтобы сейчас отреагировать решительнее, потребовалось бы большое мужество.

Здесь мы должны отметить еще одно серьезное отличие: у руля МККК в каждый из этих моментов находились разные люди. В 1928 г. Макс Хубер сме-

¹ Архив МККК, PV Séances plénières, 1935–36, 23 апреля 1936, p. 2.

нил Гюстава Адора — сильного, обладавшего даром влияния на людей, который знал МККК с самого начала деятельности Красного Креста. Хубер был весьма уважаемым авторитетным судьей, честность и порядочность которого не вызывали сомнения, однако он часто колебался, уделяя больше внимания тому, чтобы взвесить все «за» и «против», а не тому, что нужно сделать¹. Такое отношение наложило свой отпечаток на решение, принятое МККК в апреле 1936 г.

Представления, сделанные через Итальянский Красный Крест: напрасные усилия

Посреди этих горячих споров и в то время, когда возмущение в Европе по поводу применения Италией отравляющих газов достигло высшей точки, вице-президент Фавр сделал предложение, поддержанное некоторыми из его коллег, о том, чтобы МККК обратился к Итальянскому Красному Кресту, выразив свою «тревогу и обеспокоенность». Такой шаг был особенно необходим, поскольку всего несколькими днями ранее МККК отказался предоставить находившуюся в его распоряжении информацию Комитету тринадцати Лиги Наций. МККК сознавал, что Движение Красного Креста и общественное мнение в целом пристально следят за его действиями и он должен выступить с собственной инициативой.

Письмо от 12 апреля 1936 г., адресованное председателю Итальянского Красного Креста, отражало внутренние разногласия в МККК, имевшие тогда место. В нем напоминалось о той озабоченности, которую с 1925 г. вызывала химическая война у Международного Красного Креста (не у МККК), и перечислялись различные обвинения в использовании отравляющих газов, полученные из источников Красного Креста. Среди них было и свидетельство Жюно о газовой атаке с применением иприта на Коремской равнине. Однако МККК постарался избежать всякой категоричности в своих высказываниях и завершил письмо, вопреки намерениям тех, по чьей инициативе оно было составлено, конкретной просьбой: «Мы считаем необходимым ознакомить Ваше Превосходительство с этими заявлениями. Применение запрещенного оружия вызывает у нас чувства, серьезность которых Вы не можете не сознавать. По утверждению нашего делегата, такие действия могут даже полностью парализовать работу Красного Креста в соответствующих регионах»². МККК определенно чувствовал себя неуверенно в данной истории и был не в состоянии четко заявить о своей позиции.

Это письмо, составленное в робкой и чрезмерно вежливой форме, вряд ли могло удовлетворить инициаторов его написания. Оно никак не выражало волнения и обеспокоенности. Неудивительно, что Одье и де Алле заявили о своем разочаровании, узнав, какой текст направлен в Италию. Шеневьер, который, по всей вероятности, и был его автором, в ответ привел юридический довод,

¹ Письмо Макса Хубера Карлу-Я. Буркхардту, 25 мая 1936 г. Nachlass Max Huber, Zentralbibliothek Zürich, 2.75, Umschlag IV/1936.

² Макс Хубер — Филиппо Кремонези, 12 апреля 1936 г. Архив МККК, CR 210, 1073.

сказав, что у МККК нет правовых оснований вмешиваться, так как Женевские конвенции не касаются вопроса о применении отравляющих газов.

При тщательном исследовании этого письма становится ясно, что оно только повторяло сообщения, уже ставшие достоянием широкой гласности. Просьба к итальянскому правительству о предоставлении информации (высказанная в весьма завуалированной форме) не была чем-то новым после направленного 23 марта, ровно двадцатью днями ранее, обращения Комитета тринадцати Лиги Наций. Письмо было адресовано не какому-либо ответственному лицу в итальянском правительстве, а рабелепствующему Итальянскому Красному Кресту. Если рассматривать инициативу МККК в этом свете, она не дала никаких новых результатов, явилась слишком запоздалой и адресовалась органу, который не был компетентен что-либо решать в данном вопросе. На протяжении всего этого решающего периода МККК вел себя пассивно и безынициативно. Весьма примечательно также и то, что когда он должен был сам предпринять какие-либо действия, Комитет всегда из осторожности на шаг отставал от Лиги Наций.

Можно пойти даже дальше. Возмущение международного сообщества фактом ведения Италией химической войны в Эфиопии явно произвело впечатление на Муссолини. На следующий день после горячих дебатов в Комитете тринадцати он приказал Грациани воздерживаться от применения химического оружия до следующего распоряжения. Он тщательно следил за выполнением приказа, и даже когда к концу апреля страсти, разгоревшиеся по этому поводу, улеглись, запретил применять иприт, по крайней мере, в течение некоторого времени. Кроме того, как показывает его обращение с делегацией МККК в Риме, он был достаточно хорошим политиком, чтобы не раздражать без необходимости Красный Крест, учитывая неоспоримый международный престиж последнего. Ввиду того, что Муссолини столь серьезно относился к таким делам, возникает вопрос, не могли бы более решительные представления МККК, пусть и исключительно конфиденциальные, убедить Муссолини более осмотрительно подходить к использованию запрещенного вида оружия. Это важный вопрос, поскольку химическая война не прекратилась 27 апреля 1936 г., когда применение отравляющих газов в итало-эфиопской войне было в последний раз замечено. С начала мая 1936 г., с момента оккупации Аддис-Абебы, по март 1939 г. фашистская Италия продолжала применять иприт против эфиопских партизан¹, на что международное сообщество не обращало никакого внимания. В апреле 1936 г. МККК упустил еще одну возможность определить свою позицию и во всеулышание заявить о ней.

Письмо МККК было немедленно передано Итальянским Красным Крестом в Министерство иностранных дел, однако оно явно не произвело впечатления на итальянское правительство, которое не видело в этом неотложной проблемы. Председатель Итальянского Красного Креста Кремонези ответил МККК

¹ В течение этого времени было применено примерно 100 тонн бомб с ипритом, согласно подробным расчетам Джентилли (см. *Gentili, op. cit.*, примечание 6, pp. 182–183). В документах МККК, к которым обращался автор, отсутствует упоминание о продолжении химической войны в Эфиопии после 5 мая 1936 г.

только через месяц, после напоминания от Комитета. За это время обстановка в Эфиопии изменилась коренным образом. Маршал Бадольо вступил в Аддис-Абебу во главе своих войск, император Хайле Селассие покинул страну и нашел временное убежище в Иерусалиме, Муссолини торжественно заявил с балкона палатцы «Венеция» о создании «Impero fascista italiano in Africa Orientale». Ответ Итальянского Красного Креста явился дословным воспроизведением соответствующих частей данного ранее ответа Лиге Наций. В нем утверждалось, что итальянское правительство соблюдает Женевский протокол 1925 г., «учитывая однако, что это не исключает возможности воспользоваться правом репрессалий, чтобы пресечь такие чудовищные зверства, как те, которые совершались эфиопскими войсками»¹. От себя Кремонези добавил, что учреждения Красного Креста, конечно, исключаются из числа объектов репрессалий.

Хотя ответ был получен поздно, он имел важное значение. Италия наконец признала в документе, обращенном к МККК, что в ходе войны применялись отравляющие газы, правда, в порядке репрессалий в ответ на эфиопские зверства². Обсудив ответ Кремонези, МККК счел необходимым отреагировать на него. Учитывая щекотливость проблемы, Президент Хубер взялся сам составить первый проект ответа.

Письмо было отправлено через три недели после официального завершения войны с Эфиопией³. В нем МККК подчеркивал, что, не имея необходимых на то полномочий, он отказывается вступать в дискуссию о юридических доводах, приводимых Италией, то есть о том, оправдано или нет применение Италией запрещенного вида оружия для осуществления репрессалий. Вместо этого он взял за основу гуманитарные соображения, имеющие менее спорный характер, заявив, что «в высшей степени важно совершенно запретить химическую войну». Наконец, МККК с удовлетворением отметил гарантии, которые предоставил Кремонези, заявив, что «учреждения Красного Креста — иными словами, весь его персонал, раненые, больные и оборудование, на которые распространяется защита Женевской конвенции», не будут становиться объектами репрессалий.

Интересно сравнить окончательный вариант письма с проектом Макса Хубера⁴. В них есть два главных отличия. Во-первых, Хубер отметил ряд юридических вопросов, относящихся к существу дела, и выразил озабоченность Красного Креста по этому поводу: «Применение этого средства пресечения незаконных действий всегда чревато размыванием всех правил, которые были с таким

¹ Филиппо Кремонези — Макс Хуберу, 11 мая 1936 г. Архив МККК, CR 210, 1203. — Текст подлинника на итальянском языке.

² На самом деле это оправдание было полностью лживым. Возможность ведения химической войны рассматривалась в самом начале, когда только разворачивалась подготовка к военным действиям. Во время войны Муссолини оправдывал применение отравляющих газов, называя их «ultima ratio для подавления сопротивления противника» (27 октября 1935 г.), апеллируя к «высшим соображениям обороны» (16 декабря 1935 г.) и даже говоря об их допустимости просто, «когда это необходимо» (9 января 1936 г.). Такие доводы, как «методы ведения войны, применяемые противником», не использовались до 28 декабря 1935 г. *Rochat Giorgio. Il colonialismo italiano. Loescher editore, Torino*, pp. 168–169.

³ Макс Хубер — Кремонезе, 26 мая 1936 г. Архив МККК, CR 210, 1249.

⁴ 19 мая 1936 г. Архив МККК, CR 210, 1237.

трудом выработаны для того, чтобы хоть немного ограничить ужасы войны. С гуманитарной точки зрения репрессалии против отдельных лиц (...) должны рассматриваться как наиболее опасные». Во-вторых, Хубер заявил, что, независимо от каких бы то ни было юридических соображений, «Красный Крест может лишь глубоко сожалеть о любом применении отравляющих газов». Ясно, что Президент МККК считал необходимым решительно выразить свою точку зрения, но эти замечания были, вероятно, вычеркнуты Лого, которого Хубер попросил отредактировать проект письма.

Было бы интересно посмотреть на реакцию заинтересованных национальных обществ, не говоря уже о реакции Эфиопского Красного Креста¹, персонал которого пострадал от итальянских бомб, начиненных отравляющими газами, если бы их ознакомили с содержанием данной переписки. Увы, этого не случилось. Хубер сам опасался возможного недовольства национальных обществ. Он не без сожаления отозвался о последнем письме: «Новая формулировка составлена еще более робко, чем первоначальный вариант, но она не неприемлема для итальянцев. Возможно, она покажется национальным обществам слишком слабой»².

Это второе письмо в Итальянский Красный Крест завершило последний этап деятельности МККК в связи с применением химического оружия в Эфиопии. Больше никаких представлений не делалось. Итальянский Красный Крест не удосужился ответить. Направив это письмо, МККК сделал минимум того, что должен был сделать. Он просто повторил сказанное в Протоколе 1925 г., то есть, что применение отравляющих газов категорически запрещается. И на этот раз Комитет воздержался от более резких выражений, тщательно избегая формулировок, которые могли бы задеть итальянскую сторону. Это трудно понять, поскольку Италия, как бы то ни было, нарушила международное соглашение. Она в конечном итоге призналась в применении отравляющих газов после того, как долгое время яростно опровергала эти обвинения. Конечно, в тот момент было уже слишком поздно планировать новые представления, например, в адрес итальянского правительства. Такой шаг следовало сделать тогда, когда газы непосредственно использовались, а не когда кончилась война.

МККК на перепутье

Итало-эфиопская война 1935–1936 гг. является для МККК поворотным моментом. С одной стороны, она ознаменовала конец того периода, когда МККК был озабочен теоретическими, юридическими и организационными вопросами, касающимися самой организации и Движения. С другой стороны, она положила начало десятилетию войн, когда МККК пришлось иметь дело со страданиями людей, приобретающими все большие масштабы как во внутренних, так и в международных конфликтах. Для МККК пришло время снова взяться

¹ Как только итальянцы вошли в Аддис-Абебу, судьба Эфиопского общества Красного Креста была решена. Оно официально прекратило свое существование 3 июня 1936 г.

² Замечание Макса Хубера, 25 мая 1936 г. Архив МККК, CR 210, 1243.

за выполнение своей первоначальной роли, в полной мере участвуя в деятельности на местах.

Сама по себе война явилась неравной: итальянская армия была вооружена по последнему слову техники, а эфиопские войска были организованы на традиционных началах, слабо подготовлены и плохо оснащены. На карту был поставлен престиж Италии как великой европейской державы. Она должна была взять реванш за унижительное поражение при Адуа, которое она потерпела в 1896 г. Эфиопия в разгар масштабного процесса модернизации оказалась вынуждена бороться за свое национальное выживание. В этой ситуации МККК открыл свою первую делегацию в Африке. Он оказался втянутым в некоторые из трагических событий войны, что было неизбежно, и они потрясли маленькую организацию до самого основания.

Одним из таких событий стало ведение Италией химической войны в нарушение Женевского протокола 1925 г. Оно поднимало вопросы фундаментальной важности, на которые МККК обязан был найти ответ, как для себя, так и для Лиги Наций. Эти ответы наложили на организацию свой отпечаток, который сохранялся на протяжении последующих военных лет и впоследствии, в какой-то мере до наших дней. Во-первых, химическая война привела к сокращению роли МККК. МККК решил, что он должен заниматься только вопросами, относящимися к сфере действия Женевских конвенций, а методы ведения войны, такие как применение отравляющих газов, находятся вне его компетенции. Соответственно, он принял решение не касаться проблемы химического оружия, когда-то вызывавшей большую озабоченность. Дело зашло настолько далеко, что в 1938 г. в общем докладе для Международной конференции Красного Креста о своей деятельности во время итало-эфиопской войны МККК ни словом не упомянул о применении отравляющих газов, как будто он и здесь был ни при чем.

Во-вторых, более четко было сформулировано, в чем заключается роль МККК. По мнению Макса Хубера, МККК должен облегчать страдания, а не выступать с протестами. В апреле 1936 г. в организации возникли серьезные разногласия по этому поводу. Позиция «доброго самаритянина», которую поддерживал Президент МККК, взяла верх, наложив на МККК свой отпечаток, сохранявшийся затем в течение нескольких десятилетий. Ее разделяли такие влиятельные члены комитета, как К.-Я. Буркхардт, который даже сказал впоследствии, что выражение протеста — признак скорее слабости, чем силы, и в частной, и в общественной жизни. Протест имеет смысл, только если он основан на юридически обязательных заключениях расследования¹.

Новое определение сферы и содержания деятельности МККК представляло собой сужение роли МККК до тех видов деятельности, которые никогда не подвергались сомнению. Это было понятным в ситуации мощного давления, какой являлась ситуация на заключительном этапе итало-эфиопской войны. Но МККК странным образом не отдавал себе отчета в том моральном авторитете,

¹ Carl J. Burckhardt to Felix Moeschlin, 12 February 1940 г. Carl Jacob Burckhardt Archiv, University of Basel, B II 46 a).

которым он пользовался и который можно было бы употребить в благих целях. В его пассивности и безынициативности крылась опасность того, что он менее чутко будет реагировать на иные гуманитарные потребности. Именно эта восприимчивость явилась главной причиной заявленного в 1918 г. протеста против применения отравляющих газов. Необходимо было сохранить равновесие между двумя сторонами роли МККК, чтобы избежать как безразличия к судьбе жертв, так и политической пристрастности. Эта серьезная проблема стояла перед МККК на протяжении Второй мировой войны, особенно в том, что касается нацистских концентрационных лагерей. Комитет старательно избегал выходить за рамки своей роли в ее строгом понимании, как она была определена во время итало-эфиопской войны, но ему пришлось отвечать на весьма нелицеприятные вопросы, когда стало известным число жертв нацистского геноцида¹.

Еще одним существенно важным результатом химической войны в Эфиопии стало объяснение между Лигой Наций и МККК. Дискуссия с Лигой привела к утверждению независимости МККК, не подчинившегося всеохватывающим требованиям всемирного органа. Было заявлено, что необходимо проводить различие между гуманитарными и политическими вопросами. Однако такая решительная позиция в какой-то мере мешала понять, что обе организации заинтересованы в том, чтобы положить конец применению запрещенного средства ведения войны. Она недостаточно учитывала взаимосвязи между политикой и гуманитарными проблемами. Работа МККК протекала не в «блестящей изоляции», для ее осуществления были нужны такие политические органы, как Лига Наций, которая могла бы несколько отвести в сторону давление, оказываемое на МККК. Менее жесткий и более политизированный подход, вероятно, был бы плодотворным. В этом смысле МККК оставался слишком привязанным к традиционному, восходящему к XIX столетию, пониманию своей роли как частной филантропической инициативы, ограничивающейся преодолением гуманитарных последствий политических акций.

Оценивая общую реакцию МККК на химическую войну в Эфиопии, прежде всего следует рассмотреть главный вопрос: была ли позиция МККК проитальянской? Ответ будет отрицательным, если речь идет о пристрастности в политическом смысле этого слова. Нет никаких оснований утверждать, что политические мнения оказали негативное влияние на решения МККК, даже если отдельные его члены и симпатизировали в какой-то мере Италии. Судья такого уровня, как Макс Хубер, не допустил бы, чтобы подобные соображения сказывались на принятии решений.

Очевидно, что при анализе роли МККК этим нельзя ограничиться. Как мы видели, отношение Комитета к фашистской Италии было чрезмерно осторож-

¹ Что касается использования газов как средства ведения войны, то позиция МККК после Второй мировой войны полностью изменилась. В 1967 г., в ходе иеменского конфликта, МККК столкнулся с применением отравляющих газов одной из сторон, как и во время итало-эфиопской войны. Этот факт был подтвержден сотрудниками МККК, работавшими на местах. Они не наблюдали применения химического оружия непосредственно, однако собрали достаточно доказательств. На этот раз МККК не остался молчаливым свидетелем. Он дважды выступил с публичным осуждением такого средства ведения боевых действий, а затем направил меморандум государствам, подписавшим Женевские конвенции. *Bugnion, op. cit.* (см. сноску 1, с. 90), p. 1103.

ным и робким. Отмечалось, что позиция МККК в этот период была «абсолютно четкой»¹. Это справедливо только в отношении заявления в адрес Итальянского Красного Креста, где утверждалось, что химическая война должна быть безоговорочно запрещена. Но здесь не учитывается, что МККК напомнил об обязательствах, налагаемых Протоколом 1925 г., только когда война кончилась. Хотя следует помнить, что не все члены Комитета придерживались одного и того же подхода, факт остается фактом: МККК, вопреки ожиданиям, не занял собственной позиции, а того, что он все-таки сделал, было совсем недостаточно, и сделано это было слишком поздно.

МККК не в полной мере осознал, что ввиду его политики конфиденциальности только часть его размышлений и действий становилась известной миру. Очевидно, что в политическом плане решения МККК сыграли на руку Италии. Со стороны представлялось, особенно после отказа МККК предоставить информацию Лиге Наций, что Комитет принял сторону фашистской Италии. Италия, в свою очередь, естественно, ловко извлекла выгоду из сложившейся ситуации, используя МККК в качестве орудия собственной политики. Ошибка МККК заключалась в том, что он не понял, к каким серьезным последствиям может привести его отношение к данной проблеме. Он должен был сохранить равновесие, направляя посвященные конкретно этому вопросу представления соответствующим правительствам, Лиге Наций и — на раннем этапе — своим естественным партнерам, национальным обществам Красного Креста. Это подводит нас к ранее сделанному утверждению, что МККК проявил близорукость в отношении политической стороны дела.

Проблема значительно глубже. Понятно, что Муссолини и его генерал полностью пренебрегали, в частности, Протоколом 1925 г., который ставит под запрет применение отравляющих газов. Они были уверены в превосходстве силы над правом, и, что еще хуже, сила для них заняла место права. Этот новый принцип международных отношений разрушил основу, на которой строился мировой порядок после 1918 г. Можно ли было доверять такой воюющей стороне и можно ли было установить в данных обстоятельствах доверительные отношения? Существовали границы, которые МККК как организация, располагавшая только нравственным авторитетом, перейти не могла. На карту был поставлен принцип в высшей степени важный для МККК, а именно — уважение к правовым нормам, закрепленным в международных соглашениях. Вопрос в том, не следовало ли МККК осознать, что происходило в то время. Ответ должен быть утвердительным. Все было предельно ясно: вопиющие нарушения Устава Лиги, которые совершал Муссолини, нарушение Протокола 1925 г., и прежде всего тревожные сообщения сотрудников Красного Креста, работавших на местах. Максу Хуберу и его коллегам следовало задуматься, с каким человеком и с какой системой им приходится иметь дело. Сейчас, когда мы оглядываемся назад, представляется, что МККК уловил суть событий, но не принял надлежащих мер. Муссолини производил на Комитет столь сильное впечатление, что оно помешало последнему сопоставить его слова и дела.

¹ *Bugnion, op. cit.* (см. сноску 1, с. 90), p. 172.

В конечном счете МККК не понимал, что же действительно происходило в Эфиопии. Ему не хватило политической зоркости, чтобы разобраться в происходившем за привлекательно выглядевшим фасадом, который фашистская Италия выставляла напоказ миру. Комитет угодил в ловушку, искусно расставленную итальянской пропагандистской машиной. И в этом он опять-таки ничем не отличался от многих людей и правительств в Европе. Это был просчет не только МККК, но и всей эпохи.
